

Хаймурзина Марина Ахатовна

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОСНОВАНИЙ
КОНФУЦИАНСТВА В КОНФУЦИАНСКОЙ МЫСЛИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИИ КИТАЯ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.**

Специальность 09.00.14 – философия религии и религиоведение

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Благовещенск – 2014

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» на кафедре религиоведения факультета социальных наук.

Научный руководитель: **Забияко Андрей Павлович,**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Элбакян Екатерина Сергеевна**
доктор философских наук, профессор,
образовательное учреждение профсоюзов
ВПО «Академия труда и социальных
отношений» (профессор кафедры социологии
и управления социальными процессами
социально-экономического факультета)

Аниховский Станислав Эдуардович
кандидат философских наук, доцент,
старший референт Аппарата фракции
политической партии «КПРФ» в
Государственной Думе Федерального
Собрания Российской Федерации.

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский
государственный университет»**

Защита диссертации состоится «17» февраля 2015 г. в 15.00. на заседании диссертационного совета Д 501.001.09 на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» по адресу: 119991, г.Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4 («Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518.

С диссертацией можно ознакомиться:

- в читальном зале отдела диссертаций Фундаментальной библиотеки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» по адресу: Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, сектор «А», 8-й этаж, комн. 812.
- на официальном сайте диссертационных советов МГУ имени М.В.Ломоносова по адресу: http://istina.msu.ru/dissertation_councils/councils/718886/

Автореферат разослан « 26 » ноября 2014 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Скворцов Алексей Алексеевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Вторая половина XX – начало XXI вв. ознаменованы стремлением людей, стран и государств вернуться к собственным традиционным истокам, сохранить самобытность культур. И Китай не исключение. Сегодня элементы конфуцианской культуры возрождаются в КНР, в китайском обществе, в сознании китайцев. Является ли конфуцианство религией? Что значит конфуцианство для современного китайца, нации, государства? В силу развития человека, общества, культуры эти вопросы остаются дискуссионными и продолжают волновать философов, религиоведов, социологов, культурологов и ученых других гуманитарных направлений.

Исторически сложилось так, что осмысление конфуцианства китайскими мыслителями в XX – начале XXI вв. осуществляется в рамках двух традиций, которые с долей условности можно обозначить как материковую (КНР) и зарубежную (Гонконг, Тайвань, США, др.). Такое деление обусловлено формированием под влиянием миграционных процессов географически и мировоззренчески различных локусов китайской цивилизации.

Материковая традиция толкования конфуцианства берет начало в воззрениях Кан Ювэя, развивается в работах Лян Шумина и других мыслителей начала XX в. Современные процессы толкования конфуцианства в КНР представлены работами религиоведов, исследователей конфуцианской мысли, нынешнее поколение которых с 80–90-х гг. XX в. активно заявляет о своей позиции. В гуманитарной науке КНР этих лет появляется понятие – *материковое современное (новое) конфуцианство*, предполагающее исследование и анализ основных концепций зарубежного направления современной конфуцианской мысли, а также формирование собственных взглядов относительно значения конфуцианства в современном Китае – перспектив соединения элементов конфуцианства с человеком современной

культуры, с существующей общественной системой, с социализмом и марксизмом.

Зарубежная линия интерпретации конфуцианства, развиваемая китайскими интеллектуалами с середины XX в. за пределами КНР, характеризуется разнообразием идейно-философских подходов. Творчество зарубежных конфуцианских мыслителей базируется на воззрениях предшественников – интеллектуалов материкового Китая – и сохраняет тесную связь с традиционными конфуцианскими представлениями, но при этом оно развивается под влиянием западной культуры, западной философии и религиозной мысли. Эта линия развития формирует зарубежное направление *современного (нового) конфуцианства*.

Важно, что усилия современных китайских мыслителей – и материковых, и зарубежных – направлены, прежде всего, на понимание религиозных оснований конфуцианства. Китайские философы и религиоведы стремятся выяснить сущностные особенности конфуцианства как религиозной системы, а также его функциональную значимость для современного общества. Решение этих вопросов они тесно увязывают с разработкой новых эффективных стратегий развития Китая. Китайская мысль здесь в очередной раз демонстрирует свою приверженность к соединению теории и практики.

Связь теории и практики в современных китайских публикациях, посвященных сущности и роли конфуцианства, в значительной мере актуализирует поставленную темой диссертации проблему. Важно понять, в каком направлении движется китайская мысль в решении тех фундаментальных вопросов, которые были обозначены выше, – что значит конфуцианство для китайцев, китайской цивилизации и является ли оно религией? В размышлениях о «конфуцианской религии», её роли в современном китайском обществе между китайскими мыслителями нет единства мнений. Тема религиозных основ конфуцианства остается дискуссионной и в российском китаеведении, религиоведении, философии. В

отечественной науке проблема конфуцианства как религиозной системы освещена недостаточно, поэтому многие аспекты религиозного содержания конфуцианства остаются малоизученными, не рассмотренными или раскрытыми некорректно.

Степень исследованности проблемы. Большое значение для раскрытия темы диссертационного исследования имеют труды **российских исследователей**, посвящённые общей проблеме взаимосвязи конфуцианства и религии. Ценный материал можно почерпнуть в работах первых отечественных синологов. Основоположники российского китаеведения были склонны трактовать конфуцианство в качестве, прежде всего, религии. Здесь можно выделить работы Н.Я. Бичурина (1777–1853 гг.)¹, В.П. Васильева (1818–1900 гг.)², С.М. Георгиевского (1851–1893 гг.)³, И.Я. Коростовца (1862–1933 гг.)⁴, а также В.М. Алексеева (1881–1951 гг.)⁵. Сравнивая с христианством, они подчеркивали отличительные, или так называемые «отрицательные» моменты в конфуцианстве, – например, отсутствие понятий рая и ада. Описывая специфические черты конфуцианства как религии, ученые называли, например, этическую доминанту, взаимосвязь религиозного и светского, а также пантеистический характер конфуцианской религии.

Для отечественной гуманитарной науки последних десятилетий XX – начала XXI вв. характерна противоречивая традиция толкования конфуцианства. С одной стороны, в обобщающих религиоведческих публикациях (прежде всего в учебных) конфуцианство присутствует в качестве религии, при этом посвящённые ему разделы, как правило, написаны специалистами-китаеводами⁶. В специализированных

¹ Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи (в двух частях). – М.: Восточный дом, 2002.

² Васильев В.П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1873.

³ Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1888.

⁴ Коростовец И.Я. Китайцы и их цивилизация. – СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1896.

⁵ Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. – Кн. 1 / В.М. Алексеев; [Сост. М.В. Баньковская; Отв.ред. Б.Л. Рифтин]. – М.: Вост. лит., 2002; Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. – Кн. 2 / В.М. Алексеев; Сост. М.В. Баньковская; Отв.ред. Б.Л. Рифтин. – М.: Вост. лит., 2003.

⁶ См., например: Основы религиоведения: Учеб. / Ю.Ф. Борунков, И.Н. Яблоков, К.И. Никонов; под ред. И.Н. Яблокова. – Изд. 4-е., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 2005; Религии мира: Учеб. пособие / под. ред.

китаеведческих публикациях конфуцианство характеризуется либо как нерелигиозная система (например, рассматривается как философское, этическое или политическое учение)⁷, либо допускается, что в этой нерелигиозной системе присутствуют отдельные религиозные элементы: на такой трактовке построены работы Л.С. Переломова⁸, Л.С. Васильева⁹, А.С. Мартынова¹⁰, А.И. Кобзева¹¹ и ряда других. Сходный теоретический посыл прослеживается в работах некоторых представителей молодого поколения современных российских китаеведов¹². Противоречивость трактовок выглядит особенно рельефно, когда один и тот же автор представляет конфуцианство в разных изданиях противоположным образом – так, Е.А.Торчинов в ряде своих публикаций отрицает религиозный характер конфуцианства, но при этом включает раздел «Конфуцианство» в параграф «Религия Китая», де-факто признавая его принадлежность к китайским религиям¹³.

М.М. Шахнович. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006; Гараджа В.И. Религиоведение: Учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений и преп.ср.школы. – М.: Аспект Пресс, 1995; Религиоведение: Учебное пособие для студентов педагогических вузов. – СПб.: Питер, 2008.

⁷ В работах Л. Делюсина, например, акцентируется социополитическая сторона конфуцианства. См.: Делюсин Л. Конфуций и социалистическая модернизация // Азия и Африка сегодня. – 1991. – №1. – С. 24–28; Делюсин Л. Модернизация и учение Конфуция // Азия и Африка сегодня. – 2001. – №7. – С. 8–11.

⁸ Переломов Л.С. Слово Конфуция. – М.: ТПО «Фабула», 1992; Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. – М.: Наука. Изд.фирма «Вост.лит-ра», 1993; Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь юй» / исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. – М.: Изд.фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1998; Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007; Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XIV в.). – М.: Изд. Стилсервис, 2009 и др.

⁹ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – Изд. 2-е. – М.: Изд.фирма «Вост. лит-тура» РАН, 2001; Васильев Л.С. История религий Востока: Учебное пособие для вузов. – Изд. 8-е. – М.: КДУ, 2006; Васильев Л.С. Конфуцианская цивилизация // Азия и Африка сегодня. – 1996. – №2. – С. 26–29.

¹⁰ Мартынов А.С. Конфуцианство: классический период / пер. с кит. А.С. Мартынова. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2006; Мартынов А.С. Категория дэ – синтез «порядка» и «жизни» // От магической силы к моральному императиву: категория де в китайской культуре/ отв. ред. Л.Н. Борох, А.И. Кобзев. – М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1998. – С. 36–74; Мартынов А.С. Конфуцианская личность и природа // Проблемы человека в традиционных китайских учениях / отв.ред. Т.П. Григорьева. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – С. 181–184; Классическое конфуцианство: переводы, статьи, комментарии А. Мартынова и И. Зограф.; В 2т. – СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

¹¹ Кобзев А.И. Конфуцианство // Китайская философия: Энциклопедический словарь/ РАН. Ин-т Дальнего Востока; гл. ред. М.Л. Титаренко. – М.: Мысль, 1994. – С. 149–151; Кобзев А.И. Дэ и коррелятивные ей категории в китайской классической философии // От магической силы к моральному императиву: категория де в китайской культуре/ отв. ред. Л.Н. Борох, А.И. Кобзев. – Указ.изд. – С. 12–35.

¹² См., например: Кейдун И.Б. Классический конфуцианский трактат Ли Цзи и китайский ритуал конца XVII – начала XX вв.: Дис. канд. ист. наук: 07.00.03 / Кейдун Ирина Борисовна. – СПб., 2003. – 232с.

¹³ См., например: Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – Изд. 4-е. – СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2007; Торчинов Е.А. Религии Китая // Религии мира: Учеб. пособие / под. ред. М.М. Шахнович. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

В российских публикациях последних лет прослеживается тенденция интерпретации конфуцианства как духовной формации, имеющей религию в качестве основания. Такая интерпретация представлена, в первую очередь, в публикациях А.П. Забияко. Профессор исходит из того, что возникновение и длительный период эволюции конфуцианства происходили в условиях нерасчленённости многих сторон духовной культуры – религии, этики, права, философии, социально-политической мысли. Такая ситуация предопределила синкретизм традиционного конфуцианства, но основой этой синкретической целостности выступало религиозное мировоззрение. В процессе исторического развития возникали ситуации, когда некоторые учения и практики обособливались от исходной целостности и получали развитие в качестве особых форм «конфуцианской этики», «конфуцианской философии», «конфуцианской экономики» и т.п., почти утрачивая родовую связь с религиозными основаниями. Этим объясняется сложность исторически менявшегося конфуцианского комплекса, развившегося на религиозном фундаменте. А.П. Забияко отмечает, что «до начала XX в. «конфуцианство существовало в обществе как многомерный феномен – с одной стороны, оно выступало государственной религиозной идеологией и практикой, с другой, – системой семейных религиозно-этических ценностей, норм»¹⁴.

Во втором томе энциклопедии «Духовная культура Китая», посвящённом мифологии и религии, конфуцианство описывается как феномен, обладающий сложной религиозно-обрядовой стороной, выстроенной в строгой иерархии – от обрядов императорских культов до клановых, семейных и индивидуальных ритуалов. Авторы этого фундаментального издания обосновывают мысль о том, что конфуцианство как сложное и разностороннее явление духовной культуры и общественной

¹⁴ Забияко А.П. Конфуцианство // Религиоведение / Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 544–545. См. также: Забияко А.П. Путунхуа китайской мифологии и религии в энциклопедии «Духовная культура Китая» // Философия религии: Альманах. 2010–2011. – М.: Наука, 2011. – С. 471–489.

жизни имеет отчетливые религиозно-ритуальные и религиозно-психологические признаки¹⁵.

В западной гуманитарной науке первичное осмысление конфуцианства как религии представлено в переводах и комментариях иезуитских миссионеров XVI–XVII вв., среди которых самый известный – Маттео Риччи (1552–1620 гг.). Переводы и комментарии конфуцианских канонов на латинский и французские языки фундировали базовые принципы интерпретации конфуцианства, определили основы синологической науки в западной культуре – французской и англо-американской школ. В XVII–XVIII вв. основное внимание европейских исследователей было приковано к сравнению христианства и конфуцианства как типов религии. Нередко христианство оценивали в качестве «великой религии» (high religion), а конфуцианство относили к категории «низших религий» (lower religions) в эволюционной цепи развития религиозных верований. Важно, что положительные характеристики конфуцианства, предложенные первыми миссионерами, – о присущих конфуцианству ценностях братской любви, социальной гармонии, нравственного самосовершенствования, роли ритуала в формировании осмысленности жизни – позволили позже назвать конфуцианство «религиозным двойником» (religious *doppelganger*) христианства и вдохновили исследователей на дальнейшее осмысление особенностей китайской религиозности¹⁶.

В контексте интересующей нас темы выделим в западной научной традиции классические труды представителей французской синологии А. Масперо (1883–1945 гг.)¹⁷ и М. Гране (1884–1940 гг.)¹⁸, в которых подчеркиваются такие особенности, как приоритет этических императивов,

¹⁵ Кожин П.М. Конфуцианство и государственные культы // Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006. – [Т. 2:] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – 2007. – С.190–195. Также см.: Баргачева В.Н., Кравцова М.Е. Культ Конфуция // Там же. – С.196–201.

¹⁶ Подробнее см.: Girardot N.J., Kleeman T.F. Chinese religion: history of study// Encyclopedia of religion / edit by Lindsay Jones. – 2nd ed. – USA: Thomson Gale, 2005. – P. 1629–1640; Jensen L. M. Confucianism: history of study// Encyclopedia of religion / edit by Lindsay Jones. – 2nd ed. – USA: Thomson Gale, 2005. – P. 1916–1926.

¹⁷ Масперо А. Религии Китая. – СПб.: Наука, 2004.

¹⁸ Гране М. Китайская мысль / пер. с фр. В.Б. Иорданского. – М.: Алгоритм, 2008.

отсутствие противопоставления святого и мирского и некоторые другие черты конфуцианства как религии. Отметим также работы представителей современной англо-американской школы. В публикациях М. Элиаде (1907–1986 гг.), например, подчеркивается связь этико-политической реформы Конфуция с древнейшими религиозными основами, а также её нацеленность на необходимость возвращения религиозного измерения в мирскую жизнь и социальную повседневность¹⁹. Труд Г. Фингарета (род. в 1921 г.) акцентирует образ Конфуция как сакрально ориентированного мыслителя²⁰. В настоящее время конфуцианство активно исследуется синологами США. Осмысление конфуцианства представлено, например, в работах одного из ведущих специалистов «бостонского конфуцианства» (школа американской синологии) Р. Невилла (род. в 1939 г.), подчеркнувшего наличие религиозных параллелей между христианством и конфуцианством²¹. Современное видение конфуцианства в западном религиоведении раскрыто в коллективном фундаментальном труде «Энциклопедия религий» (1985, 2005 гг.), где прежде всего подчеркивается тот факт, что изучение китайских религий обнаруживает проблему общей теории религии²². Здесь ставится под сомнение оправданность деления конфуцианства на различные аспекты – философию, этику и политику²³. Эти и многие другие публикации демонстрируют дискуссионность толкования сущности конфуцианства в западном религиоведении и синологии. Заметим, что в большинстве западных публикаций почти не учитываются интерпретации конфуцианства, предложенные современными китайскими мыслителями.

¹⁹ Элиаде М. История веры и религиозных идей. – Т. 2. От Гаутамы Будды до триумфа христианства / пер. с фр. – М.: Критерион, 2002.

²⁰ Fingarette H. Confucius: The Secular as Sacred. – New York: Harper, 1972.

²¹ Невилл Р. «Бостонское конфуцианство» – корни восточной культуры на западной почве // Проблемы Дальнего Востока / пер. с англ. А. Ломанова. – 1995. – №1. – С. 136–149; Neville R.C. Boston Confucianism: portable tradition in the late-modern world. – State University of New York Press, 2000.

²² Overmyer D.L., Adler J.A. Chinese religion: an overview // Encyclopedia of religion / edit by Lindsay Jones. – 2nd ed. – USA: Thomson Gale, 2005. – P. 1580–1613.

²³ Подробнее см.: Csikszentmihalyi M. Confucianism: an overview // Encyclopedia of religion / edit by Lindsay Jones. – 2nd ed. – USA: Thomson Gale, 2005. – P. 1890–1905; Jensen L.M. Confucianism: history of study // Encyclopedia of religion / edit by Lindsay Jones. – 2nd ed. – USA: Thomson Gale, 2005. – P. 1916–1926.

В китайской науке – в трудах зарубежных философов-конфуцианцев, материковых китайских религиоведов и исследователей конфуцианства – осмысление проблемы конфуцианской религии представлено широко и специализированно.

Огромное значение имеют публикации Моу Цзунсяня²⁴ и Тан Цзюньи²⁵, представителей зарубежного направления *современного (нового) конфуцианства* (50–70-е гг. XX в.), в которых раскрываются основные отличия конфуцианства от других религий, определяется специфика религиозных основ конфуцианства. Работы Ду Вэймина²⁶ и Лю Шусяня²⁷ развивают концепции своеобразия конфуцианской религиозности, конфуцианской религиозной жизни, конфуцианской религиозной веры. Наше диссертационное исследование учитывает также публикации ученых КНР – религиоведов и исследователей конфуцианской мысли, которые, придерживаясь разных идейных позиций, в той или иной степени формируют и развивают *материковое современное (новое) конфуцианство*. Выделены работы религиоведов Жэнь Цзюйя²⁸, Ли Шэня²⁹, Хэ Гуанху³⁰, направленные на выяснение религиозного статуса конфуцианства и специфики конфуцианской религии. Авторы доказывают, что конфуцианство является

²⁴ Например, Моу Цзунсянь. Чжунго чжэсюедэ течжи (Специфика китайской философии). – Шанхай, 1997.

²⁵ Например, Тан Цзюньи. Вэньхуа иши юйчжоудэ таньсо (В поиске космизма культурного сознания) / под ред. Чжан Сянцзе. – Пекин, 1992; Тан Цзюньи. Чжунго жэньвэнь цзинжэнь чжифачжань (Развитие гуманистического духа Китая). – Тайбэй, 2002.

²⁶ Например, Ду Вэймин. Дуйхуа юй чуаньсинь (Диалог и инновации). – Гуйлинь, 2005; Ду Вэймин. Жусюе дисаньци фачжаньдэ цянъцин вэньти (Перспективы развития третьей волны конфуцианства). – Тайбэй, 1988; Ду Вэймин. Жуцзяо (Конфуцианская религия). – Шанхай, 2008; Tu Weiming. Centrality and commonality: an essay on Confucian religiousness. – State University of New York Press, 1989; Tu Weiming. Cultural China: the periphery as the center // The living tree: the changing meaning of being Chinese today / edit by Tu Weiming. – Stanford University Press, 1994. – 1–35.

²⁷ Например, Лю Шусянь. Жуцзя сысян юй сяньдайхуа (Конфуцианство и модернизация) / под ред. Цзин Хайфэн. – Пекин, 1992; Лю Шусянь. Жуцзя сысяндэ кайто чанши (Попытка развития конфуцианской мысли). – Пекин, 2001; Лю Шусянь. Ли и фэнь шу (Деление единого принципа на множество) / под ред. Цзин Хайфэн. – Шанхай, 2000.

²⁸ Например, Жэнь Цзюй. Лунь жуцзяодэ синчэн (О формировании конфуцианской религии) // Чжунго шэхуэй кэсюе (Социальные науки Китая). – 1980. – №1. – 62–75; Жэнь Цзюй. Жуцзяодэ цзайпинцзя (Новая оценка конфуцианской религии) // Жуцзяо вэньти чжэнлуньци (Сборник дискуссионных статей по проблеме конфуцианской религии) / под ред. Жэнь Цзюй. – Пекин, 2000. – С. 63–75; Жэнь Цзюй. Лунь жуцзяодэ синчэн (О формировании конфуцианской религии) // Там же. – С. 1–22.

²⁹ Например, Ли Шэнь. Гуаньюй жуцзяодэ цигэ вэньти (К вопросам о конфуцианской религии) // Там же. – С. 333–350; Ли Шэнь. Жуцзяо, жусюе хэ жучжэ (Конфуцианская религия, конфуцианское учение и конфуцианцы) // Там же. – С. 385–400; Ли Шэнь. Цзунцзяолунь (Теория религии). – Пекин, 2006.

³⁰ Например, Хэ Гуанху. Чжунго вэньхуадэ хэнь юй хуа (Корень и цветы китайской культуры) // Жуцзяо вэньти чжэнлуньци (Сборник дискуссионных статей по проблеме конфуцианской религии). – Указ. изд. – С. 307–333.

специфической религией, кроме того, они видят необходимость и перспективы ее возрождения. Особо следует отметить работы исследователей конфуцианства – Цзян Цина³¹, Кан Жаогуана³², Чэнь Мина³³, Гань Чунсуна³⁴, которые рассматривают возрождение конфуцианской традиции в контексте формирования самосознания современного китайского общества. Необходимо также указать на работы религиоведа Люй Дацзи³⁵, дающие яркое представление об особенностях развития религиоведческой мысли в КНР. Тема развития религиоведения в КНР также раскрыта в недавно опубликованных религиоведческих сборниках³⁶, авторы которых анализируют изменение концептуальных основ китайского религиоведения. Важно заметить, однако, что обобщающих трудов, объектом исследования которых выступает именно трактовка проблемы религии и конфуцианства в китайской интеллектуальной традиции, очень немного.

Таким образом, обзор основных подходов к пониманию трактовок религиозных оснований конфуцианства обнаруживает широкое дискуссионное поле, границы которого охватывают российские, европейские, американские и китайские публикации. Частичный ответ на ряд важных вопросов по проблеме интерпретации религиозных оснований конфуцианства представлен в нашем диссертационном исследовании.

³¹ Например, Цзян Цин. Гуанюй чунцзянь чжунго жуцзяодэ гоусян (О воссоздании конфуцианской религии Китая) // Жуцзя юбао (Конфуцианская газета). – 2009. – № 7. – С. 14–22.

³² Например, Кан Жаогуан. Данцинь шицзедэ жусюе юй жуцзяо – «чжунго цзунцзяо юй шэхуэй гаофэн луньтань» чжуаньти чжи (Современное конфуцианское учение и конфуцианская религия – одна из острых тем о «китайской религии и обществе») // Жуцзя юбао (Конфуцианская газета). – 2008. – № 12. – С. 2–5.

³³ Например, Чэнь Мин. Вэньхуа жусюе: сыбянь юй луньбянь (Культурное конфуцианство: размышления и споры). – Чэнду, 2009; Чэнь Мин. Вэньхуа миньцзу чжуи (Культурный национализм) // Жуцзя юбао (Конфуцианская газета). – 2011. – № 4. – С. 12–15; Чэнь Мин. Жучжэ чживэй (Основы конфуцианства). – Пекин, 2004.

³⁴ Например, Гань Чуньсун. Жусюе гайлунь (Введение в конфуцианство). – Пекин, 2009.

³⁵ Например, Люй Дацзи. Цзунцзяосюе тунлунь синьбянь (Новая редакция теоретических положений по религиоведению). – Пекин, 2002; Люй Дацзи. Цзунцзяо ши шэньма – цзунцзяодэ бэньчжи, цзибэнь яосу цзици лоци цзегоу (Что такое религия – сущность религии, ее основные элементы и логические структуры) / Китайское религиоведение: официальный сайт Института мировых религий при АОН КНР. 2009-2012. URL: http://iwr.cass.cn/zjyzx/201104/t20110420_6597.htm (дата обращения: 12.05.2012)

³⁶ Чжунго цзунцзяо тунлунь (Введение в религиоведение Китая) / под ред. Гай Цзяньминь. – Пекин, 2006; Чжунго цзунцзяо баогао. 2010 (Ежегодный отчет по религиям Китая, 2010 г.) / под ред. Цзинь Цзэ, Цю Юнхуэй. – Пекин, 2010; Чжунго цзунцзяосюе саньшинянь: 1978-2008 (Китайское религиоведение за 30 лет: с 1978 по 2008 гг.) / под ред. Чжо Синьпин. – Пекин, 2008.

Объектом данной работы являются представления о конфуцианстве в китайской интеллектуальной традиции XX – начала XXI вв.

Предметом работы является экспликация религиозных оснований конфуцианства китайскими мыслителями XX – начала XXI вв.

Цель работы – выявить основные интерпретации религиозных оснований конфуцианства в работах китайских мыслителей XX – начала XXI вв.

Задачи исследования:

- 1) ввести в научный оборот работы зарубежных и материковых китайских ученых, освещающих проблемы определения сущности религии, понимания особенностей религиозного потенциала конфуцианства;
- 2) выявить характерное для зарубежных конфуцианцев понимание сущности религии;
- 3) в контексте осмысления особенностей развития религиоведческой науки эксплицировать основные трактовки сущности религии учеными КНР;
- 4) проанализировать интерпретации религиозных аспектов конфуцианства в трудах зарубежных конфуцианцев, выявить основные идеи, объясняющие особенности религиозной стороны конфуцианства, ее значение для китайского общества;
- 5) раскрыть суть концепций мыслителей КНР, направленных на истолкование религиозных основ конфуцианства.

Новизна диссертационного исследования. Диссертация является первым в российском религиоведении исследованием, посвященным комплексному изучению трактовок религиозных оснований конфуцианства в интеллектуальной традиции Китая XX – начала XXI вв. Новизна исследования определяется совокупностью существенных признаков:

1. Введены в научный оборот основные труды зарубежных конфуцианцев, материковых китайских религиоведов и исследователей конфуцианской мысли, посвящённые трактовке религии и интерпретации конфуцианства как религии.

2. Установлено, что интерпретация религиозных оснований конфуцианства в интеллектуальной традиции Китая XX – начала XXI вв. обусловлена прежде всего теоретическими подходами мыслителей к пониманию сущности и функций религии.

3. Проанализированы дефиниции и теории религии, развитые крупными зарубежными китайскими мыслителями; раскрыто основное содержание критики западных христианоцентрических критериев дефиниций религии; выявлена тенденция трактовки религии с традиционных для китайской культуры позиций этического универсализма.

4. Определены основные этапы развития религиоведческой науки КНР, дан анализ динамики влияния марксистской идеологии на экспликацию понятия «религия», выяснены основные подходы к определению религии в современной религиоведческой науке КНР.

5. Эксплицированы воззрения зарубежных конфуцианцев на конфуцианскую религию, её сущность, функции и значение конфуцианских религиозно-этических ценностей для современного человека, общества, культуры.

6. Систематизированы и проанализированы основные подходы к пониманию конфуцианской религии, развитые в религиоведении и конфуцианской мысли КНР.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что ее содержание имеет значение для более глубокого понимания феномена религии в контексте локальных особенностей развития культур Востока и Запада. Изученные и введенные в научный оборот публикации китайских ученых могут представлять ценность с точки зрения развития религиоведения, философии, культурологии и ряда других гуманитарных наук. Различные аспекты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов и учебных пособий по религиоведению, философии, культурологии, китаеведению.

Методология и методы исследования, источники. В ходе работы автор следовал общенаучным принципам объективности, системности, аргументированности и обоснованности выводов, избегал субъективных, политически или идеологически конъюнктурных суждений. В целом методология диссертации имеет комплексный характер. Автор руководствовался методологией сравнительного религиоведения, принципом культурного релятивизма, принципами феноменологии и герменевтики. В соответствии задачами, поставленными в диссертационном исследовании, были использованы следующие методы: метод исторической реконструкции, метод сравнительного анализа, герменевтический метод, феноменологические методы.

К числу источников, использованных в ходе данного исследования, относятся, прежде всего, изданные на китайском языке книги и статьи философского и религиоведческого содержания. В связи с тем, что интеллектуальная традиция трактовки конфуцианства делится на материковую и зарубежную, источники также подразделяются на две соответствующие группы – труды материковых (КНР) и зарубежных китайских ученых. Авторами зарубежных трудов выступают крупнейшие современные конфуцианцы – Моу Цзунсань, Тан Цзюньи, Ду Вэймин, Лю Шусянь. Авторами материковых публикаций являются известные китайские религиоведы – Жэнь Цзюйю, Ли Шэнь, Хэ Гуанху, Моу Чжунцзянь, Люй Дацзи и др., а также исследователи конфуцианской традиции – Цзян Цин, Кан Жаогуан, Чэнь Юн, Чэнь Мин, Гань Чунсун и др.

Положения, выносимые на защиту

1. Конфуцианство, сыгравшее огромную роль в китайской истории, по-прежнему занимает место одной из главных опор китайской цивилизации. В силу этого и ряда других факторов на протяжении XX – начала XXI вв. в Китае продолжали возникать и развиваться религиозно-философские, религиоведческие концепции конфуцианства, направленные на понимание его религиозных оснований. Китайские мыслители стремятся выяснить

сущностные особенности конфуцианства как религиозной системы, а также ее функциональную значимость для современного общества. Решение этих вопросов они тесно увязывают с разработкой новых эффективных стратегий развития Китая.

2. Китайские трактовки религиозных оснований конфуцианства демонстрируют широкий спектр разных подходов. Различия в интерпретации религиозных оснований конфуцианства в интеллектуальной традиции Китая XX – начала XXI вв. обусловлены прежде всего отличиями в теоретических подходах к пониманию сущности и функций религии.

3. В работах зарубежных конфуцианцев в контексте интерпретации понятия «религия» прослеживается критика западных христианоцентрических стандартов и трактовок религии. По мнению мыслителей, наличие образа Бога, учения о Боге не является главным, сущностным признаком религии. Основным содержанием религии, помимо идеи Бога, могут выступать другие фундаментальные данности, обусловленные спецификой развития духовной культуры и особенностями локальных религиозных феноменов, – например, в китайской культуре основным содержанием религиозного мировоззрения может выступать религиозная антропология. В осмыслении китайскими мыслителями сути религиозных явлений очевиден традиционный для китайской культуры этический универсализм, соединенный в настоящее время с западной религиозно-философской мыслью. Согласно точке зрения современных конфуцианцев, в основе всех религий лежат гуманистические ценности и нравственные нормы.

4. Ведущие зарубежные конфуцианцы утверждают, что источник своеобразия конфуцианской религии заключается в особой форме религиозного мировосприятия – имманентной трансцендентности, согласно которой между человеком и Небом существует тесная – ценностная – связь. В центре конфуцианской религии – человек. Суть конфуцианской религии заключается в учении о нравственном совершенствовании человека.

Основные функции и значение конфуцианских этико-религиозных принципов в современном обществе зарубежные конфуцианцы видят в совершенствовании духовного развития человека, созидании и трансляции культуры, фундировании самобытности китайской культуры – *китайскости*, а также в определении идентичности китайцев и формировании основ глобальной этики.

5. Проблема толкования сущности религии в КНР непосредственно связана с влиянием марксистского атеизма на политическую и общественную сферу жизни. В 50-60-х гг. складывается интерпретация религии как «неправильной» формы общественного сознания, как «опиума народа». После провозглашения политики открытости общая идеологическая ситуация меняется, что прямо влияет на развитие религиоведения континентального Китая, трактовку сущности религии и конфуцианства. Марксистская методология сохраняется, но наряду с ней сосуществуют другие подходы.

6. В процессе развития религиоведения в КНР актуализируется проблема признания конфуцианства как религии. Труды ведущих религиоведов КНР показывают, что с 1978 г. по середину 80-х гг. XX в. статус конфуцианства определяется на базе западных религиоведческих теорий. Дискуссия о конфуцианской религии (середина 80-х гг. – начало 2000 гг.) демонстрирует рост влияния теоретических подходов, сформировавшихся в контексте развития китайской интеллектуальной традиции и акцентирующих значение своеобразия локальных религиозных феноменов. Западные (христианоцентрические) критерии интерпретации религии частично подвергаются критике. Современный период осмысления конфуцианства в гуманитарной науке КНР (с 2000 г.) характеризуется акцентом на идеях возрождения этико-религиозных оснований конфуцианства, их значимости для современного человека и общества.

7. Согласно исследованию материковых религиоведов, конфуцианская религия *жуцзяо* – специфическая религия, характерные особенности которой обусловлены исторически и культурно. В конфуцианстве нет привычной,

соответствующей христианским критериям, веры в божество, представлений о рае и аде, церковной организации и духовных лиц, других признаков. Конфуцианская религия *жуцзяо* – это результат соединения древнейших религиозных верований эпохи Инь-Чжоу с конфуцианским учением *жусюе*. В отличие от христианства, возникшего в силу исторических обстоятельств вне рамок государственной организации, конфуцианская религия всегда существовала в рамках государственного управления, поэтому сложная иерархическая государственная система традиционного Китая выступала и религиозной организацией конфуцианства.

8. Осмысление современной судьбы конфуцианства в гуманитарной мысли КНР связано со стремлением соединить ее этико-религиозные основы с существующей социо-политической системой Китая. В настоящее время определённую известность получила теория возрождения конфуцианства в качестве официальной государственной религии, предусматривающей тотальную «конфуцианизацию» всех сфер семейной, общественной и политической жизни. Согласно оценке ряда китайских исследователей, более естественной и реальной является идея реанимации конфуцианства в форме гражданской религии, способствующей формированию национального сознания китайского общества.

Апробация работы. Промежуточные результаты исследования прошли апробацию в устных выступлениях на научных конференциях: V Международном философско-культурологическом симпозиуме «Человек в мире культуры: национальная культура и современность» (г.Рязань: РГУ им.С.А. Есенина, 2008 г.); Международной научной школе для молодежи «Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству» (г.Благовещенск: АмГУ, 2009 г.); Международной научной конференции «Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом аспекте» (г.Благовещенск: АмГУ, 2012 г.); I международной конференции «Даосское письменное наследие: проблемы изучения и истолкования текстов даосизма» (г.Благовещенск: АмГУ, 2013 г.);

Международной научной конференции «Религия и религиозность в локальном и глобальном измерении» (г.Владимир: ВлГУ, 2013).

Структура и объем работы определены поставленными задачами. Диссертационное исследование включает введение, четыре главы, разбитых на параграфы, заключение, библиографический список. Объем диссертации – 181 страница. Список использованной литературы и источников включает 234 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается степень ее изученности, определяются объект и предмет исследования, цели и задачи исследования, характеризуются методологические основы и методы исследования, обосновывается научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, научно-практическая значимость и апробация исследования.

Первая глава «Интерпретация религии в работах зарубежных конфуцианцев» состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе* затрагивается вопрос о необходимости экспликации понятия «религия». Религия как объект исследования чрезвычайно многообразна в своих локальных формах бытия, как понятие – ещё более многообразна в своих языковых и субъективно обусловленных выражениях. Автором подчеркивается – когда изучение касается инокультурных реалий, интерпретация и операционализация таких многозначных понятий как религия крайне необходимы.

Во *втором параграфе* дается краткое описание начального этапа определения понятия «религия» в Китае. Для китайского самосознания кризисная ситуация, породившая импульс к экспликации «понятия» религии, стала следствием внешних факторов, обусловленных экспансией западных держав, культур и религий. Та область культуры, которую на Западе называли религией, начинают воспринимать как самостоятельную социальную реальность, способную ускорять развитие общества или

тормозить его. В спорах участвовали интеллектуалы разных идейных ориентаций, в том числе представители конфуцианства конца XIX – начала XX вв. Далее в параграфе приводится в пример толкование религии и конфуцианства, в том числе в работах Кан Ювэя, Лян Шумина, идеи которых послужили отправной точкой развития современной (новой) конфуцианской мысли последующих периодов.

Третий параграф посвящен проблеме толкования сущности религии в работах зарубежных конфуцианских мыслителей (второй половины XX – начала XXI вв.).

В пункте 1.3.1 рассматривается подход Моу Цзунсяня к определению сути религии. Он утверждает, что своеобразие культуры определяет специфику философии и религии народа. Специфика китайской философии и религии определяется их монолитностью. В центре китайской философско-религиозной системы – «концепция жизни», имеющая разное проявление в конкретных религиях – конфуцианстве, буддизме, даосизме. Комплекс *саньцзяо* не соответствует западным христианоцентрическим стандартам религии. Философ утверждает, что основное содержание религии заключается не в понятиях «Бог» и «церковь», а в морали и нравственных установках, задающихся Богом и пропагандируемых церковью. Далее в параграфе описывается точка зрения Моу Цзунсяня относительно современной значимости комплекса *саньцзяо*, который, по мнению мыслителя, продолжает определять историко-культурную самобытность Китая.

В пункте 1.3.2 анализируются воззрения Тан Цзюньи о сущности религии. Сравнивая китайские и некитайские религии, мыслитель указывает, что образ бога, божества не является сущностным признаком религии, воображение «сверхъестественного», «сверхреального» начала – тоже признак религии. В основе любой религии лежат особые – религиозные – ценности. Эта мысль определяет основу концепции философа о религии как *сверхгуманизме*, когда религиозная духовность порождается и развивается

человеком посредством совершенствования моральных ценностей до предельного – трансцендентного – уровня. Именно в *сверхгуманизме* мыслитель видит спасение современного человека, общества и культуры.

В пункте 1.3.3 рассматривается точка зрения Ду Вэймина о сущности религии. Он подчеркивает, что современное понимание религии отличается от той упрощенной концепции, которая оперировала понятиями веры в сверхъестественного Бога и представлениями о соответствующих культовых действиях. В современном обществе в центре религии – человек. Религия способствует возвращению его способности к саморефлексии и помогает найти ответ на вечные вопросы. Поэтому сегодня сутью религии становится реализация духовной сущности человека. Развивая идеи своих предшественников о роли религии в современном обществе, Ду Вэймин указывает, что религия выступает ядром культуры.

Далее автором формулируются *основные выводы* по первой главе исследования.

Вторая глава «Интерпретация религии материковыми китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР» состоит из пяти параграфов.

В *первом параграфе* исследуется формирование основных подходов в определении религии в контексте развития религиоведческой науки в КНР (вторая половина XX – начало XXI вв.). После образования КНР складывается идеологическая ориентация на рост атеистического мировоззрения в стране. В 50-х гг. XX в. под религией понимается форма общественного сознания. Религия трактуется в качестве исторически преходящего явления, у которого есть корни, развитие и увядание. К началу 60-х гг. XX в. утверждается толкование религии как «опиума народа» в однозначно негативном смысле. С началом политики «открытости» религиоведческая наука КНР знакомится с западными учениями и теориями. Марксистское видение религии хотя и остается доминирующим, но постепенно (к началу 90-х гг. XX в.) пересматривается. Идеи западного

религиоведения стимулируют переход от понимания религии как упрощенной и извращенной формы сознания к толкованию ее как сложной и значимой части социокультурной системы. Марксистская методология сохраняется, но наряду с ней сосуществуют другие подходы.

Во *втором параграфе* рассматривается теория Люй Дацзи о четырех элементах религии, как один из первых опытов соединения марксистского видения религии с западными религиоведческими воззрениями. Согласно его точке зрения, религия есть синтез четырех элементов. Ядро религиозной системы – религиозные представления. Представления порождают психологические переживания и религиозный опыт, которые находятся на втором уровне. Религиозное поведение, связанное с поклонением, – это третий уровень. Религиозная организация как форма устройства верующих пребывает на самом внешнем, четвертом уровне, догматизирует религиозные представления, организуют верующих и стандартизируют религиозное поведение, обеспечивая религию как социокультурное явление четкой структурой. Данную теорию о четырех элементах религии Люй Дацзи синтезирует с определением религии, сформулированным Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге». В течение длительного времени теория Люй Дацзи о четырех элементах религии была весьма влиятельной в религиоведении КНР. Однако в конце 90-х гг. XX в. воззрения Люй Дацзи подверглись критике.

Третий параграф посвящен интерпретации сути религии в воззрениях Хэ Гуанху. Он настаивает на расширении смыслового значения понятия *шэнь* от персонифицированного божества до неземной, сверхъестественной силы, сакрального, мистического, поскольку такое смысловое наполнение термина *шэнь* позволит избежать вытеснения некоторых специфических религий из списка тех реалий, что в сущности своей относятся к области религии. В трех типах западных дефиниций религии (историки и антропологи религии; психология и феноменология религии; социология религии), а также марксистских религиоведческих концепциях он усматривает связь с *шэнь* в расширенной трактовке. Хэ Гуанху приходит к выводу: вера в *шэнь* и

является сущностной характеристикой религии. Он указывает, что представления о персонифицированном божестве, подобные христианскому образу Бога, не могут и не должны быть единственно верным основанием для определения религии. С другой стороны, определение религии как «веры в сверхъестественную силу, а также связанную с этой верой систему идей, чувств, опыта, поведения и форму организации» фиксирует значимые признаки, которые не позволяют путать религию с нерелигиозными формами сознания.

В *четвертом параграфе* рассматриваются воззрения Ли Шэня на сущность религии. Он критикует западные стандарты оценки религии, утверждая, что трактовка сущности религии в контексте китайской религиозной специфики требует обращения к ключевым смыслам китайской культуры. Ли Шэнь отстаивает функциональный метод определения религии, согласно которому суть религии заключается в её функции. Эту мысль он поясняет на примере слова *цзунцзяо* (религия), подчеркивая, что *цзяо* несет самую важную функциональную нагрузку – воспитывать. Первоначальное значение слова *цзунцзяо* имеет смысл «строить храм, чтобы поклоняться божествам и тем самым осуществлять воспитание». Такое понимание *цзунцзяо* сопоставимо с древнекитайским выражением *шэньдао шэцзяо* – «осуществлять воспитание посредством приобщения к божественной (святой) истине». Именно в этом выражении Ли Шэнь усматривает точное изложение основной функции и, соответственно, сущности религии. *Шэньдао шэцзяо* – суть всех религий, разница лишь в том, каким образом воспитывать.

В *пятом параграфе* рассматривается точка зрения Чэнь Мина о сути религии. Он не принимает западные стандарты, применяемые зачастую для выведения дефиниции инокультурных религиозных реалий, поскольку они ущемляют право на своеобразие религий других культур. В определении религии должны учитываться культурные особенности локальных реалий. Чэнь Мин считает, что спецификой китайской религиозной традиции выступает *шэньдао шэцзяо* – «воспитание посредством приобщения к

божественной (святой) истине», когда сущностью религии является не познание Бога, а воспитание человека. В этом выражении Чэнь Мин видит суть отличия западного и китайского видения религии.

Далее автором формулируются *основные выводы* по второй главе исследования.

Третья глава «Религиозные основания конфуцианства в трактовке зарубежных конфуцианцев» состоит из четырех параграфов.

Первый параграф посвящен экспликации религиозных основ конфуцианства в трудах Моу Цзунсяня. Основное отличие конфуцианства от других религий Моу Цзунсянь видит в особой форме конфуцианского религиозного миропонимания – имманентной трансцендентности, когда небо, с одной стороны, трансцендентно, с другой, – оно имманентно миру людей, поскольку присутствует в мире вещей в форме морали, определяя ценностную сущность каждого. В центре конфуцианской религии – человек, стремящийся к познанию безграничности своей индивидуальной ценностной природы. Поэтому суть конфуцианской религии заключается в том, каким образом человек реализует воплощенный в нем небесный Путь, т.е. в его нравственном самосовершенствовании. Более того, каждодневная религиозная жизнь человека и общества сосредоточена в рамках конфуцианских норм взаимоотношений. Что касается современной значимости конфуцианства, Моу Цзунсянь расценивает ее в качестве маркера культурной самобытности Китая – *китайскости*.

Во *втором параграфе* исследуется концепция Тан Цзюньи о конфуцианском *сверхгуманизме*. По мнению философа, в аспекте гуманистических ценностей конфуцианство сопоставимо с другими религиями. Однако в отличие от других религий в центре конфуцианской религии – человек. Тан Цзюньи видит источник своеобразия религиозного потенциала конфуцианства в имманентной трансцендентности, предполагающей ценностную связь между Небом и человеком. Тан Цзюньи развивает теорию конфуцианского *сверхгуманизма*, суть которого

выражается в самоличном переживании имманентного трансцендентного, когда осуществляется полное раскрытие индивидуальной ценностной природы человека, происходит подъем от морали к сфере сверхморали и достигается предел – единение Неба и человека. Конфуцианский *сверхгуманизм* порождается и развивается посредством социокультурных действий – в рамках семьи, общества и всей Поднебесной. Специфику постижения трансцендентного, или «сверхреального», философ объясняет на примере конфуцианских обрядовых норм жертвоприношений в адрес Неба и Земли, духов предков, совершенномудрых. Далее в параграфе указывается на мнение китайского философа о современной роли конфуцианского *сверхгуманизма*. Он считает, что современному Китаю нужна новая сверхгуманистическая религия, выстроенная на основе конфуцианской мудрости.

Третий параграф посвящен трактовке религиозных аспектов конфуцианства в работах Ду Вэймина. Философ всецело принимает концепцию об особой форме конфуцианского религиозного миропонимания – имманентной трансцендентности. Отправной точкой конфуцианской религии является человек. Философ выдвигает концепцию «предельной самотрансформации» человека, понимая под «предельным» самую выгодную реализацию ценностной сущности человека. Конфуцианскую религиозность он приравнивает присущей человеку гуманности *жэнь*, подчеркивая, что религиозность изначально присуща природе человека, однако он становится религиозным не по умолчанию, а по собственному выбору. В конфуцианстве религиозное и светское неотделимы друг от друга, что выражается в конфуцианской озабоченности «о светском как о святом». Духовное развитие человека неотделимо от обыденного повседневного существования. Ценностные нормы человеческих отношений (*саньган*, *учан*, *сяо* и другие) преисполнены как антропологическим, так и вселенским назначением становления человека в рамках семьи, общества и Неба.

Далее в параграфе рассматривается точка зрения Ду Вэймина о современной значимости религиозно-этического потенциала конфуцианства. Философ указывает на его роль в идентификационных процессах человека как личности, как части социума и китайской цивилизации в целом. Ду Вэймин развивает концепцию Моу Цзунсяня о конфуцианстве как основе *китайскости*.

В *четвертом параграфе* рассматривается толкование религиозного содержания конфуцианства в трудах Лю Шусяня, который тоже отмечает имманентно-трансцендентную природу конфуцианства. Человек является активным источником конфуцианской религии. Человеческая сущность априори содержит в себе частицу Неба – *жэнь*. Конфуцианскую религиозность Лю Шусянь понимает как непрерывный процесс индивидуального созидания внутренней *жэнь*. Цель самосовершенствования заключается в конечной передаче имманентной человеку *жэнь* небесному Пути. Процесс созидания и передачи *жэнь*, собственно, и составляет суть конфуцианской религии. Конфуцианская религия не призывает людей к отчуждению от посюстороннего мира, – наоборот, учит их видеть религиозное в светском. Особенность конфуцианской религии – единение религиозного и светского. Философ определяет религиозную веру как *предельный интерес*. В контексте конфуцианской религии *предельный интерес* есть самоличное доказательство «двойной истины» – одинаковое почитание и имманентного, и трансцендентного. Особым моментом философского творчества Лю Шусяня является осмысление роли конфуцианских религиозно-этических ценностей в контексте глобализации и унификации культур. Благодаря усилиям Лю Шусяня многие конфуцианские ценности признаны в рамках Декларации глобальной этики.

Далее автором формулируются *основные выводы* по третьей главе исследования.

Четвертая глава «Развитие представлений о конфуцианстве как религии в религиоведении и конфуцианской мысли материкового

Китая» состоит из пяти параграфов.

В *первом параграфе* рассматриваются положения Жэнь Цзюя о конфуцианстве как о религии. Он первый высказался о религиозной составляющей конфуцианства, инициировав тем самым всю последующую дискуссию о конфуцианской религии в гуманитарной науке КНР. За основателя религии Жэнь Цзюй взял Конфуция, за объект религиозной веры и почитания – «небо, землю, правителя, предков, мудрецов», за догматические каноны – конфуцианские каноны, конфуцианскую организацию – учебные заведения всех уровней. Период становления неоконфуцианства, по мнению Жэнь Цзюя, ознаменовал завершение конфуцианства как религии. Точка зрения Жэнь Цзюя о конфуцианстве как религии была новой для гуманитарной науки КНР конца 70 – начала 80-х гг. XX в. Изначально были только критически настроенные публикации и статьи, суть которых сводилась к тому, что конфуцианство не является религией в полном смысле этого слова. Далее в параграфе в качестве примера такой критики приводится точка зрения Моу Чжунцзяня о «родовой» религии Китая.

Во *втором параграфе* исследуются воззрения Хэ Гуанху об особенностях конфуцианской религии. Он указывает, что конфуцианская школа, или конфуцианское учение *жусюе*, не равно конфуцианской религии *жуцзяо*. *Жуцзяо* – это *основная* первичная религия Китая, зародившаяся в эпоху Инь-Чжоу. Хэ Гуанху доказывает религиозный статус конфуцианства на основе четырех групп религиозных факторов – религиозный чувственный опыт; религиозные концепции; религиозное поведение; религиозная организация. Он утверждает, что со всем этим конфуцианство тесно связано, подкрепляя свою позицию примерами из конфуцианских канонов.

Третий параграф посвящен воззрениям Ли Шэня относительно конфуцианской религии. Согласно его точке зрения, конфуцианская религия *жуцзяо* не равна конфуцианскому учению *жусюе*, это есть продукт соединения традиционных религиозных верований с конфуцианским

учением. Во всех своих работах религиовед стремится доказать, что конфуцианство – это специфическая религия, где нет обычной веры в божество, нет привычной религиозной организации, нет представления о потустороннем мире. Однако в *жуцзяо* есть вера в *шанди* и небесное веление, есть религиозное чувство (благоговейного трепета перед *шанди* и Небом), религиозное поведение и действия (почитание и жертвоприношения), есть религиозные догматы (конфуцианские каноны) и другие характерные для религий атрибуты. Далее в параграфе описывается позиция Ли Шэня по поводу дискуссии о конфуцианской религии, в которой Ли Шэнь обращает внимание на четыре аспекта – Конфуций и сверхъестественное, конфуцианский *шанди*, потусторонняя жизнь в конфуцианской религии, конфуцианская религиозная организация и жертвоприношения.

В *четвертом параграфе*, построенном на основании публикаций некоторых китайских исследователей (Цзян Цин, Кан Жаогуан), описывается теория возрождения конфуцианства в качестве официальной государственной религии КНР. Возражая против западных ценностей свободы, демократии и материализма, китайские мыслители ратуют за конфуцианский Китай и предлагают конкретные шаги по реализации этой концепции, – например, создание конфуцианской церкви и др. В таком воскрешении конфуцианства они видят залог духовной, социальной стабильности человека и общества, сохранения *китайскости*, обеспечения интеграции общества и возрождения национального духа китайского народа.

Пятый параграф посвящен концепции возрождения конфуцианства в качестве гражданской религии. Сегодня эта идея обсуждается в научном мире КНР. В параграфе рассматриваются точки зрения ряда исследователей, – например, Гань Чунсун, Ян Фэнган, Чэнь Мин, Чэнь Юн и др. Они едины во мнении, что гражданская религия не нуждается в сильной структурной опоре, а должна существовать в нормах поведения, привычках и в моральном сознании людей. Конфуцианство максимально отвечает этим требованиям. Конфуцианство как гражданская религия обеспечит консолидацию общества,

упрочнение национального духа и эффективную состыковку современного общества с традиционным конфуцианским наследием.

Далее автором формулируются *основные выводы* по четвертой главе исследования.

В **заключении** подводится итог исследованию трактовок религиозных оснований конфуцианства в китайской интеллектуальной традиции XX – начала XXI вв. и формулируются выводы:

1. Зарубежные философы-конфуцианцы критикуют западные христианоцентрические стандарты и трактуют религию с традиционных для китайской культуры позиций этического универсализма, указывая на мораль и нравственные нормы как сущность религии.

2. Знакомство с западной религиозно-философской мыслью позволяет зарубежным конфуцианцам по-особому эксплицировать специфику религиозного потенциала конфуцианства, определить значение конфуцианских религиозно-этических ценностей для человека современной культуры.

3. Марксистская идеология оказала сильное влияние на осмысление сущности религии в религиоведческой науке КНР. Однако сегодня марксистская методология не является доминирующей, наряду с ней сосуществуют другие подходы определения религии, сформированные под влиянием западных немарксистских религиоведческих концепций. При осмыслении сущности религии учеными КНР нередко подчеркиваются особенности локальных реалий.

4. Развитие религиоведческого знания КНР актуализирует проблему признания конфуцианства в качестве религии. Доказательство религиозного статуса, интерпретация особенностей религиозной стороны конфуцианства выстраивается, прежде всего, в рамках западных религиоведческих концепций, а также в контексте осмысления историко-культурных особенностей. В современных размышлениях о конфуцианстве

акцентируются идеи возрождения этико-религиозных оснований конфуцианства, их значимости для современного человека и общества.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

1. Забияко А.П. Хаймурзина М.А. Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая пол. XX – начало XXI вв.). Статья первая // Религиоведение. – 2013. – №2 – С. 64–74.
2. Забияко А.П. Хаймурзина М.А. Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая половина XX – начало XXI вв.). Статья вторая // Религиоведение. – 2013. – №3. – С. 70–88.
3. Хаймурзина М.А. Философский анализ конфуцианской религии в творчестве Лю Шусяня // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – №11. – С. 194–196.

Иные научные публикации:

1. Хаймурзина М.А. Конфуцианство и современный Китай: обзор интерпретаций западных исследователей // Человек в мире культуры: национальная культура и современность. Сборник материалов V Международного философско-культурологического симпозиума / под ред. Н.П. Ледовских и А.В. Соловьева. – Рязань: РГУ им.С.А. Есенина, 2008. – С. 340–344.
2. Хаймурзина М.А. Конфуцианство как основа культурной идентичности китайцев: обзор интерпретаций китайских и западных исследователей //

Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. Сборник материалов научной школы и международной научной конференции / под ред. А.П. Забияко и др. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – Вып. 8. – С. 278–284.

3. Хаймурзина М.А. Ду Вэймин о конфуцианской религиозной идентичности // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте. – Вып. 10. Сборник материалов международной научно-практической конференции / под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко; пер. на кит.: Ван Цзяньлин, М.А. Хаймурзина; пер. на англ. О.Е. Пышняк. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013. – С. 71–76.
4. Хаймурзина М.А. К вопросу о внутреннем содержании понятия «современное конфуцианство» // Вестник Амурского государственного университета. Научно-теоретический журнал. Серия «Гуманитарные науки». – Вып. 62. – Благовещенск, 2013. – С. 3–7.
5. Хаймурзина М.А. Интерпретация сущности религии в трудах современных конфуцианцев // Свеча – 2013. – Т. 23. Сборник материалов международной научной конференции «Религия и религиозность в локальном и глобальном измерении». – Владимир: ВлГУ, 2013. – С. 253–266.
6. Хаймурзина М.А. Интерпретация специфики конфуцианской религии в работах современных философов-конфуцианцев // Вестник Амурского государственного университета. Научно-теоретический журнал. Серия «Гуманитарные науки». – Вып. 64. – Благовещенск, 2014. – С. 19–25.